

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.15>

Немеров Евгений Николаевич, Пыжова Олеся Владимировна, Симонова Жанна Геннадьевна
[Врачебная тайна в России рубежа XIX-XX веков: от этической рекомендации к правовой оценке](#)

Цель исследования - рассмотреть этико-правовые аспекты формирования института врачебной тайны в России. В статье представлена попытка анализа правовой базы конца XIX - начала XX века для такой этической нормы медицины, как врачебная тайна. Научная новизна работы заключается в выявлении пробелов царского и послереволюционного законодательства, послуживших основой для последующей этико-правовой регламентации врачебной тайны в России. Полученные результаты свидетельствуют о том, что медицинское и юридическое сообщества России остро нуждались в конце XIX - начале XX века в законодательном оформлении правила врачебной тайны, тем не менее в указанный период государство не смогло должным образом решить проблему.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/15.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 84-88. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Этика

Ethics

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.15>

Дата поступления рукописи: 31.05.2020

Цель исследования – рассмотреть эτικο-правовые аспекты формирования института врачебной тайны в России. В статье представлена попытка анализа правовой базы конца XIX – начала XX века для такой этической нормы медицины, как врачебная тайна. **Научная новизна** работы заключается в выявлении пробелов царского и послереволюционного законодательства, послуживших основой для последующей эτικο-правовой регламентации врачебной тайны в России. **Полученные результаты** свидетельствуют о том, что медицинское и юридическое сообщества России остро нуждались в конце XIX – начале XX века в законодательном оформлении правила врачебной тайны, тем не менее в указанный период государство не смогло должным образом решить проблему.

Ключевые слова и фразы: врачебная тайна; медицина; врачебная этика; конфиденциальность; моральный императив; пациент; общество.

Немеров Евгений Николаевич, к. филос. н., доц.

Пыжова Олеся Владимировна, к. филос. н.

Симонова Жанна Геннадьевна, к. пед. н.

Курский государственный медицинский университет

eugenenn@yandex.ru; olvp@bk.ru; zhanna-simonova@yandex.ru

Врачебная тайна в России рубежа XIX-XX веков: от этической рекомендации к правовой оценке

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблема врачебной тайны в медицине является одной из самых важных. В России на рубеже XIX-XX веков в вопросе соблюдения правила конфиденциальности сложилось серьезное противоречие: с одной стороны, врачебная тайна как этическая норма рассматривалась как краеугольный камень медицины, но, с другой стороны, отсутствовала четко проработанная правовая база, регламентирующая соблюдение этого правила в работе врачей. Это характерно не только для царского законодательства, но и для законодательства молодого советского государства. Поэтому чрезвычайно важно проанализировать различные аспекты данной проблемы, особенности ее обсуждения в медицинском и юридическом сообществах рубежа XIX-XX веков с целью понимания процесса формирования современных эτικο-правовых стандартов оказания медицинской помощи.

В ходе исследования были сформулированы следующие **задачи**: во-первых, проанализировать взгляды врачей и юристов рубежа XIX – начала XX в. относительно врачебной тайны в отечественном законодательстве; во-вторых, выявить основные юридические нормы, регламентировавшие правило конфиденциальности в России конца XIX – начала XX в.; в-третьих, сравнить особенности регулирования врачебной тайны законодательством царской России и законодательством советского государства первых десятилетий его существования.

Теоретической базой исследования послужили отдельные работы, доклады и статьи в периодических изданиях представителей медицинского и юридического сообщества как дореволюционной России (И. И. Георгиевский, А. Ф. Кони, М. Ю. Лахтин, М. А. Окс, Н. Г. Фрейберг), так и советского периода (В. Ф. Владимирский, Л. Л. Рохлин), а также статьи правовых документов дореволюционной и советской России, имеющие отношение к рассматриваемой теме.

Для изучения точек зрения на проблему врачебной тайны в законодательстве использовались такие **методы исследования**, как сравнительный анализ, синтез, обобщение. Метод историзма способствовал выявлению особенностей эτικο-правовой основы института врачебной тайны в России на рубеже XIX-XX веков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в процессе изучения биомедицинской этики и ряда смежных с нею дисциплин. Анализ положений правовых документов, касающихся проблемы врачебной тайны, позволяет проследить попытки регламентации правила конфиденциальности в отечественной медицине.

В конце XIX века на фоне различных эпизодов особенно актуальным представлялось всестороннее обсуждение проблемы врачебной тайны в практике дореволюционного здравоохранения, особенно в условиях выработки проекта нового Уголовного уложения, поскольку обоснованные аргументы и убедительные доводы со стороны врачебных сообществ могли оказать существенное влияние и «на направление законодательства по вопросу о врачебной тайне» [2, с. 14]. В этой связи с публичными высказываниями о проблеме врачебной тайны в России выступил целый ряд не только отечественных врачей, но и юристов.

Известный русский юрист, присяжный поверенный округа одесской судебной палаты Моисей Абрамович Окс, выступая в 1890 году с докладом «О врачебной тайне» на заседании Одесского юридического общества, высказал позицию, что в целом содержание врачебной тайны, определяемое русским законом, удовлетворительное. Но при этом он подчеркивал, что врачебная тайна распространяется не на всех, кто по долгу службы должен ее хранить. Кроме того, врачебная тайна не обеспечена достаточной юридической поддержкой. И для этого, по мнению М. А. Окса, существовало несколько причин: во-первых, наличествовал определенный порядок бюрократического надзора за практикой врачей; во-вторых, врачи обязаны были нарушать врачебную тайну в силу повинности уголовного донесения и дачи свидетельских показаний; в-третьих, отсутствовала полноценная уголовная защита, которую определял бы закон относительно врачебной тайны [Цит. по: Там же, с. 23].

Другой выдающийся отечественный юрист и общественный деятель Анатолий Федорович Кони в своем докладе перед Русским сифилидологическим и дерматологическим обществом в 1893 году также высказал некоторые мысли относительно положения врачебной тайны в России. Он подверг критике не только факультетское обещание, но и некоторые статьи закона, назвав их недостаточными, поскольку факультетское обещание лишено юридического определения тайны, а статьи закона не могут охватить всей ее области. Так, согласно сенатскому решению № 23 от 1888 года, факультетское обещание признавалось лишь сводом этических требований, не имеющим «иной силы, кроме нравственного обязательства» [Цит. по: 3, с. 914]. К слову, такое решение в сообществе русских правоведов было достаточно единодушно поддержано и до конца XIX столетия устойчиво держалось на страницах юридической литературы [1, с. 74]. Точку зрения, что факультетское обещание не имеет достаточной юридической силы, представляя собой лишь самое общее требование для врача честно и порядочно относиться к своим профессиональным обязанностям, разделяли и многие представители врачебного сословия. Так, И. И. Георгиевский отмечал, что соответственно такому содержанию обещания и в уголовном праве отсутствовал закон, специально карающий разглашение врачебной тайны [2, с. 17]. Когда к дискуссиям русских врачей вокруг врачебной тайны, рассматриваемой ими преимущественно в контексте этической рекомендации, присоединились юристы и правоведы, назрела необходимость дать врачебной тайне правовую оценку.

К началу XX века в русском законодательстве содержались самые общие положения относительно врачебной тайны, составлявшие основу некоторых статей законов, и одно из требований уже упомянутого факультетского обещания, которое давалось выпускниками медицинских образовательных учреждений при получении диплома. Примечательно, что при этом в существующих законах сохранение врачебной тайны не трактовалось как обязанность каждого, кому в силу своей профессии стала известна такая тайна, но вместе с тем представлялось некоей привилегией или отличием, присваиваемым «высшим членам врачебного персонала». Так, И. И. Георгиевский в своем докладе отмечал, что Врачебным уставом только лекарям, докторам медицины или хирургам (ст. 456, 467, 470), а также магистрам ветеринарных наук и магистрам фармации (ст. 512, 499) предписывалась обязанность хранить тайну, простые же «фармацевты, дантисты, наконец, фельдшеры и акушерки» оставались вполне свободными «от всякого обязательства хранения тайны больного» [Там же, с. 16].

Требование о сохранении тайны распространялось и на чиновников и служащих карантинных и оцепленных мест, которые на основании статьи 848 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года подвергались наказанию в виде отстранения от должности, исключению из службы или заключению в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев за ненадлежащий надзор «при исполнении правил относительно срока пребывания в карантине», а также за разглашение сведений о возникших в карантине или оцепленном месте болезнях или известиях об опасности, полученных из других мест [10, с. 457].

Стоит отметить, что в судебной практике на рубеже XIX–XX веков случаи нарушения врачебной тайны часто квалифицировались как оскорбляющие честь, что попадало под действие статьи 137 Отделения первого «Об оскорблениях чести» Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Согласно этой статье, виновными признавались те, кто разгласил сведения, сообщенные ему втайне, или путем вскрытия чужого письма, или иным противозаконным действием, с намерением оскорбить чью-либо честь. Подобные деяния карались арестом не свыше пятнадцати дней или денежным взысканием не свыше пятидесяти рублей. В примечании к статье также указывалось, что такие проступки представляют собой видоизмененную обиду, а дела об оскорблениях такого рода могут быть начаты только на основании жалобы обиженного и прекращаться примирением сторон, потому не предполагают строгих наказаний и отнесены к ведомству мировых судей (журн. 1864 г. № 46, стр. 16) [12, с. 56].

Очевидным предстает тот факт, что содержание статей 183 и 137 лишь косвенным образом затрагивало врачебную тайну в том понимании, которое имело место в медицинских кругах, поскольку врачебная тайна в самом широком этическом смысле не могла ограничиваться сведениями, позорящими человека и оскорбляющими его честь [2, с. 18]. Установленные русским законодательством пределы врачебной тайны и ее карательная защита были недостаточны для того, чтобы предотвращать противоправные деяния на почве вторжения в частную жизнь и здоровье пациентов. Положение врача, определяемое законом в отношении

профессиональной тайны, также не способствовало ее защите. В то же время, предостерегал соотечественников М. Ю. Лахтин вслед за В. А. Манассеиным, нельзя забывать о том, что халатное нарушение врачебной тайны способно значительно ослабить доверие пациентов к врачам, что неизбежно нанесет непоправимый вред, поскольку важнейшей предпосылкой успешного лечения остается вера больных в нравственные качества врача. Нарушение же врачебной тайны может быть оправдано только тогда, когда «*salus publica* (общественная безопасность. – *Е. Н., О. П., Ж. С.*) несомненна, когда является возможность предотвратить зло, которое представляет еще большее нарушение законов человеческого права и нравственности, чем само разглашение чужой тайны» [3, с. 939].

Однако в русском законодательстве дореволюционного периода ограничения объема врачебной тайны в виде ее обязательного нарушения в тех случаях, когда интересы отдельного пациента должны уступить государственным [1, с. 75], в едином виде не существовало, а содержалось в отдельных нормативных актах и статьях разных редакций. Так, врачам надлежало разглашать сведения, составляющие врачебную тайну:

– в случае приглашения судебной или административной властью в качестве эксперта, в том числе и под угрозой наказания (статья 117 Устава врачебного 1892 года) [Цит. по: 2, с. 19];

– для информирования местного медицинского начальства обо всех случаях заразных заболеваний под страхом наказания от замечания (статья 741 Устава врачебного 1905 года) [11, с. 266] до лишения права заниматься медицинской практикой и тюремного заключения (статья 857 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года) [10, с. 459];

– для подачи ежемесячно губернскому врачебному управлению информации о больных в больницах и отдельно о больных, находящихся на лечении у врачей частной практики (статья 16 Устава врачебного 1905 года) [11, с. 178];

– по личной просьбе частных лиц для получения свидетельств о привитии малолетних и их состоянии здоровья при поступлении в учебные заведения, о «последовавшей смерти от обыкновенных болезней» для получения разрешения на погребение, а также о диагнозе или смерти пациента от его лечащего врача с условием обоснования необходимости получения свидетельства с этой информацией (статья 57 Устава врачебного 1905 года) [Там же];

– для информирования следователя о пациентах с опасными ранами и повреждениями, отравлениями или умерших насильственной смертью (статья 1194 Устава врачебного 1905 года) [Там же, с. 309-310];

– для дачи показаний в суде в качестве свидетеля (статья 704 Устава уголовного судопроизводства 1864 года) [13, с. 255].

Обязанность давать показания в суде, «не утаивая ничего ему известного», даже по обстоятельствам, признаваемым законом, как врачебная тайна, вызвала особенное недоумение врачей, которые исключались из круга хранителей профессиональной тайны [2, с. 19]. Дело в том, что, согласно статье 704 Устава уголовного судопроизводства, не допускались к свидетельству священники в отношении тайн, ставших им известными на исповеди, а также присяжные поверенные и другие лица, исполнявшие обязанности защитников подсудимых в отношении сведений, полученных во время производства дел [13, с. 254]. Не допускать же к свидетельству врачей, акушеров и повивальных бабок, говорилось в примечании к этой статье, достаточных причин нет, поскольку «освобождение этих лиц от свидетельства» препятствовало бы установлению истины и «послужило бы закрытию их соучастия или пособия в совершенном преступлении» (журн. 1864 г. № 47, стр. 64) [Там же, с. 255]. Присяжным поверенным, кроме того, по статье 403 Учреждения судебных установлений не разрешалось раскрывать профессиональные тайны «не только во время производства дела, но и в случае устранения от оно и даже после окончания дела» [14, гл. 2, пост. № 403].

В конце 1890-х годов вышел проект нового Уголовного уложения, который должен был заменить редакцию 1845 года. Особое внимание врачей и юристов привлекла статья 183. Ее содержание сводилось к установлению наказания в виде ареста или денежной пени в размере до 500 р. лицам, виновным в оглашении сведений, которые обязаны были хранить «по своему званию или занятию», кроме случаев, установленных законом, и если оглашение тайных сведений «могло опозорить лицо, к которому относилось» [2, с. 17-18].

А. Ф. Кони предлагал значительно доработать эту статью, добавив к званию и занятию понятие о должности, а также распространить закон сохранения тайны на больший круг лиц и расширить понятие об умышленном оглашении, относя сюда и небрежность [Цит. по: Там же, с. 23].

Мнение юриста поддержал и врач И. И. Георгиевский, утверждая, что данная статья весьма отдаленно относится к врачебной тайне, поскольку:

– содержит сведения о лицах, обязанных хранить тайну, но не перечисляет их;

– карает только за умышленное оглашение сведений, позорящих честь конкретного лица, но при этом за пределами наказания остается защита остальных сведений, составляющих профессиональную тайну, признание же понятия тайны врачебной вообще должно было бы сделать преступным даже сам факт ее разглашения, независимо от содержания [Там же, с. 19].

Впрочем, статья 183 так и осталась частью проекта, новая же редакция Уголовного уложения, вышедшая в 1903 году, определяла пределы профессиональной тайны и наказание за ее разглашение в значительно расширенной формулировке, что, несомненно, стало шагом вперед в этическом обосновании и правовой оценке и тайны врачебной. В новом Уголовном уложении в главе 29 «Об оглашении тайн» в статье 541 в первой части устанавливалось наказание в виде ареста или денежной пени не свыше пятисот рублей за умышленное разглашение сведений, составляющих тайну и ставших известными виновному по его званию, «без достойных

уважения причин» и в случае, если такое разглашение могло нанести имущественный ущерб или опозорить лицо, к которому относилось. Во второй части следовало уточнение о том, что оглашение тайных сведений с целью причинения имущественного ущерба, получения имущественной выгоды или опозорить лицо, к которому сведения относились, карается заключением в тюрьму на срок до шести месяцев [8, с. 107].

Так, статья 541 устанавливала уголовную ответственность за сохранение сведений, составляющих профессиональную тайну, и наказание в виде ареста или штрафа, а при наличии умысла причинить другому лицу ущерб – тюремного заключения. Разглашение профессиональной тайны, в отличие от оскорбления, квалифицировалось уже как особый вид правонарушения и требовало для состава преступления двух условий: во-первых, виновному тайные сведения должны быть доверены в силу его профессиональной деятельности; во-вторых, лицо признается виновным в оглашении тайных сведений, если такое деяние совершено без уважительных на то причин [1, с. 75].

Известный русский гигиенист, доктор медицины, начальник отделения Медицинского департамента Министерства внутренних дел Николай Густавович Фрейберг в 1913 году отмечал, что сохранение врачебной тайны составляет по действующему законодательству требование врачебной этики, налагаемое на врача «факультетским обещанием»; прямой статьи, карающей за оглашение врачебной тайны, в законе не содержится. По новому Уголовному уложению 1903 года нарушение врачебной тайны подходит под понятие о нарушении профессиональной тайны вообще [15, с. 256]. Таким образом, вплоть до великих революционных событий во врачебно-санитарном законодательстве России понятия врачебной тайны как таковой не было, а все случаи, связанные с разглашением или сохранением сведений о пациентах, подводились под понятие профессиональной тайны.

Кардинальные системные изменения, произошедшие в результате февральской революции в государстве, а затем и октябрьского переворота 1917 года, привели к переустройству в организации здравоохранения Советской России. В новых условиях среди разнообразных вопросов организации оказания медицинской помощи населению проблема места врачебной тайны в отечественной медицине оставалась актуальной. Известный советский психиатр и невролог Леон Лазаревич Рохлин отмечал, что «жизнь ставит вопрос, если советская медицина строит свое дело для коллектива в первую очередь, то в интересах ли коллектива соблюдение врачами тайны частных, отдельных лиц? Нужна ли врачебная тайна? Не звучит ли она диссонансом в современных условиях?» [7, с. 3]. Эти вопросы становились поводом для обсуждения медицинским сообществом Советского Союза, они поднимались на конференциях и съездах медиков. Например, результатом дискуссии на Всесоюзном венерологическом съезде в Харькове в 1925 году стал вывод о том, что тайна может быть соблюдаема в интересах отдельных лиц, если это не противоречит интересам государства [1, с. 74].

Кроме того, Л. Л. Рохлин попытался развить мысль, сформулированную еще до революции, о том, что необходимо законодательное регламентирование как случаев сохранения врачебной тайны, так и ситуаций ее разглашения в интересах коллектива. В своей статье он настаивал на необходимости гарантированного сохранения врачебной тайны из-за невежества и низкого культурного уровня населения, для обеспечения обращения больных к официальной государственной медицине, а не к знахарям, народным целителям, но только в тех случаях, когда это не противоречит интересам общества. Л. Л. Рохлин отмечал, что обязанность следовать правилу конфиденциальности должна распространяться на весь медицинский и фармацевтический персонал, а его соблюдение должно гарантироваться законом, предусматривающим ответственность за нарушение врачебной тайны. Исключение должны составлять случаи, когда врачи выполняют служебные и общественные обязанности в виде санитарно-эпидемических, санитарно-профилактических мероприятий, а также в случаях производства экспертных исследований с ведома пациентов [7, с. 8].

Основным документом, который регламентировал деятельность врачей в этот период, был Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 года «О профессиональной работе и правах медицинских работников». В нем не было прямых указаний на сохранение врачебной тайны, но оговаривались случаи, когда врачи обязаны были предоставлять информацию о своих пациентах. Например, статья 7 содержала указание на необходимость медицинским работникам, занимающимся частной практикой, «вести запись больных в особых книгах, прошнурованных и опечатанных отделом здравоохранения, обозначая имя и адрес, диагноз болезни, а также назначенное лечение» [6]. Указанные книги должны были предоставляться врачами по требованию отдела здравоохранения, судебной или следственной власти. В 9 статье Декрета говорится об обязанности в течение двадцати четырех часов сообщать в ближайший отдел здравоохранения обо всех случаях острозаразных заболеваний, отравлений, убийств, нанесения тяжких телесных повреждений и самоубийств. При этом все случаи телесных повреждений должны были фиксироваться с максимально возможной полнотой и точностью [Там же].

Уголовный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 июня 1922 года, каких-либо прямых указаний, регулирующих врачебную тайну, не содержал. Статья 117 говорила о наказании за разглашение должностными лицами сведений, которые не подлежат оглашению [4]. Ранее, в статье 105 разъяснялось, что к должностным лицам относятся «лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении и предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительских и других общегосударственных задач» [Там же]. Это предполагало распространение действия 117-й статьи на врачей и другой медицинский персонал, но стоит отметить, что в данном случае речь шла не о врачебной тайне, а о тайне служебной. Статьи Кодекса не регламентировали особенности ее соблюдения или разглашения в различных профессиональных сферах деятельности. Более поздние редакции Уголовного кодекса РСФСР в 121 статье содержали несколько иную формулировку, которая предполагала лишение свободы на срок до трех лет или дисциплинарное

зыскание за разглашение, сообщение, передачу или соби́рание в целях передачи должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению, но непосредственно о врачебной тайне речи не шло [5; 9]. Стоит отметить, что после революции в России в вопросе о врачебной тайне наблюдалась смена приоритетов, обусловленная постулированием идеи приоритета общественного над личным. Тем не менее в новых условиях, так же, как и при царском режиме, четкая законодательная регламентация врачебной тайны отсутствовала.

Таким образом, в результате рассмотрения проблемы врачебной тайны в России рубежа XIX-XX веков можно сделать следующие **выводы**: во-первых, в этот период врачебная тайна рассматривалась как этическая норма, которая не имела четкого юридического оформления в виде отдельной статьи закона; во-вторых, как до революции, так и долгое время после нее в законодательстве отсутствовало понятие врачебной тайны, не было полного всестороннего представления о ее содержании, исключениях и том, на кого распространяются ее принципы; в-третьих, несмотря на широкое обсуждение этой проблемы в медицинском и юридическом сообществах, ни в царской России, ни в первые десятилетия советской власти не было создано четкой и проработанной юридической нормы, регламентирующей врачебную тайну.

Список источников

1. Владимирский В. Ф. Врачебная тайна // Право и жизнь. 1926. Кн. 6-7. С. 73-77.
2. Георгиевский И. И. Врачебная тайна: докл., представл. Киевскому о-ву врачей д-м мед. Ив. Георгиевским. К.: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1893. 25 с.
3. Ляхтин М. Врачебная тайна (продолжение) // Вестник права и нотариата. Г. 4. 1911. № 29. С. 911-914.
4. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm (дата обращения: 14.05.2020).
5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г. (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3132.htm (дата обращения: 14.05.2020).
6. О профессиональной работе и правах медицинских работников [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2262.htm (дата обращения: 23.04.2020).
7. Рохлин Л. Л. Врачебная тайна в условиях советской медицины. Х.: Научная мысль, 1925. 8 с.
8. Уголовное уложение [Электронный ресурс]: Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1903. 16 апреля. № 38. Отдел первый. URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 20.04.2020).
9. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. / Редакция 11.01.1956 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения: 14.05.2020).
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года [Электронный ресурс] / сост. Н. С. Таганцев. Изд-е 11-е, пересм. и доп. СПб.: Гос. тип., 1901. 925 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/459773> (дата обращения: 20.04.2020).
11. Устав врачебный (издание 1905 года) [Электронный ресурс] // Свод законов Российской империи / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. XIII. Кн. 5. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/220/185.html#img186/> (дата обращения: 20.04.2020).
12. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [Электронный ресурс] // Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: В типографии 2-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. Ч. 4. URL: <https://www.prlib.ru/item/372594> (дата обращения: 20.04.2020).
13. Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Изд-е 2-е, доп. СПб., 1867. Ч. 2. URL: <https://www.prlib.ru/item/372593> (дата обращения: 20.04.2020).
14. Учреждение судебных установлений 1864 года [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (дата обращения: 20.04.2020).
15. Фрейберг Н. Г. Врачебно-санитарное законодательство в России [Электронный ресурс]: узаконения и распоряжения Правительства по гражданской, санитарной и фармацевтической частям, опубликованные по 1 января 1913 года. Изд-е 3-е, испр. и доп. СПб.: Практическая медицина (В. С. Эттингер), 1913. 1071 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/405820> (дата обращения: 20.04.2020).

Medical Secrecy in Russia at the Turn of the XIX-XX Centuries: From Ethical Recommendations to Legal Assessment

Nemerov Evgenii Nikolaevich, *PhD*
Pyzhova Olesya Vladimirovna, *PhD*
Simonova Zhanna Gennadievna, *PhD*
Kursk State Medical University

eugenenn@yandex.ru; olvp@bk.ru; zhanna-simonova@yandex.ru

The paper considers ethical and legal aspects of the medical secrecy principle formation in Russia. The article analyses legal regulation of medical secrecy at the end of the XIX – the beginning of the XX century. Scientific originality of the study involves identifying gaps in the tsarist and post-revolutionary legislation, which predetermined the necessity to improve ethical and legal regulation of medical secrecy in Russia. The findings indicate that at the end of the XIX – the beginning of the XX century, the Russian medical and legal communities urgently needed legislative solutions to protect medical secrecy, however, in the mentioned period, the state couldn't solve the problem.

Key words and phrases: medical secrecy; medicine; medical ethics; confidentiality; moral imperative; patient; society.